

УДК 316.346.32-053.6

РАЗИНСКИЙ Геннадий Вениаминович — ст.н.с., заведующий лабораторией социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-кт, 29, корп. А; benuota@mail.ru)

СТЕГНИЙ Василий Николаевич — д.соц.н., профессор кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-кт, 29, корп. А; socio@pstu.ru)

СТУДЕНТЫ ПРИКАМЬЯ: СТАТУС, ЦЕННОСТИ, ПОВЕДЕНИЕ

Аннотация. Работа посвящена социологическому анализу статусных, ценностных и поведенческих характеристик студенческого сегмента российского общества в их конкретном региональном проявлении. Выявляются доминантные факторы социальной жизни, опосредовавшие влияние общественных перемен на данную страту, которая рассматривается не только как субстрата молодежного сегмента, но и как потенциальный актор инновационного развития общества. Особое внимание уделено анализу воздействия синдрома патернализма как одной из доминантных характеристик российского общества на их интеграцию в инновационные процессы и технологии. Информационную базу настоящей статьи составили исследования студенчества, проведенные лабораторией социологии ПНИПУ при инициативном участии авторов в 1998–2014 гг.

Ключевые слова: молодежная субкультура, социальные инновации, патерналистский синдром, типы потребительского поведения, городские общности, маргинальные процессы

Молодежь — это одна из тех групп населения, для которых неопределенность, маргинальность социального статуса является сущностной характеристикой. Нынешнее положение молодых людей определяется, с одной стороны, их социальным происхождением, условиями социализации, в которых формируются склонности, предпочтения, ценностные ориентации, усваиваются образцы социального поведения, а с другой — теми социальными функциями, которые молодежи предстоит выполнять в будущем. Молодежь, занимающая промежуточное, пограничное состояние в слое, классе, обществе, напрямую связана с таким явлением, как упорядоченная маргинализация, когда личность (группа), переходя от одного этапа социального взросления к другому, теряет свои прежние статусно-ролевые и поведенческие характеристики и приобретает новые, свойственные данному этапу личностной социализации, которая в дальнейшем будет преодолена в процессе интеграции в более или менее стабильную группу. К таким временным маргинальным группам относятся в нашем случае, например, школьники, студенты, другие представители молодежи в возрасте 14–30 лет. Отличительной особенностью такого рода маргинальности является ее социально заданный и жестко определенный характер, не позволяющий индивиду (группе) сохранить свой транзитивный статус достаточно длительное время и с неизбежностью выталкивающий их в заданную социальную нишу. И от того, в какую нишу они будут вытолкнуты, зависят перспективы развития российского общества, в т.ч. переход от реликтов традиционного общества к обществу, построенному на инновационных технологиях, в т.ч. и в социальной жизни. Настоящая статья посвящена социологическому анализу одной субстраты молодежи — студенчества как потенциального актора этого будущего общества, его готовности/неготовности к участию в процессе его инновационного преобразования, выяснению того, что может этому способствовать или препятствовать.

Прежде чем переходить к содержательной части нашей статьи, представляется необходимым вкратце охарактеризовать тот социум, частью которого является студенчество. Пермь представляет собой социально-территориальную общность, обладающую статусом (формальным и неформальным) центра Прикамья и города-мегаполиса, для которого характерно сочетание развитой промышленной инфра-

структуры и исторически сложившегося культурного центра, население которого отличается достаточно высоким профессиональным, образовательным и культурным уровнем. Сочетание промышленного и культурного направлений оказывает влияние на специфику социального развития такого рода поселений и на социум, его населяющий, в т.ч. и на молодежный сегмент, включающий в себя и студенчество, анализу которого посвящена настоящая статья.

Радикальные перемены последней четверти века, происшедшие в российском обществе, не могли не наложить отпечаток и на молодежный сегмент его социальной структуры, в частности на студенчество. Исследования, проводившееся в эти годы лабораторией социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ), в той или иной степени затрагивавшие молодежную проблематику, зафиксировали ряд серьезных трансформаций в ценностных и поведенческих позициях молодежи в целом, в т.ч. и ее студенческой субстраты. Они нашли свое проявление в следующих тенденциях:

- в доминировании прагматических мотивов в получении высшего образования;
- росте релятивности ценностных и поведенческих установок, распространении тенденций их инструментализации с доминированием ориентации на материальный статус будущей работы и карьерный рост;
- утилитарном подходе к процессу обучения при высоком уровне адаптации к новым рыночным реалиям;
- нарастании явлений маргинализации, проявляющихся, например, в невысоком уровне правового сознания, распространении религиозоподобного сознания, различного рода молодежных девиаций при достаточно высоком уровне толерантного отношения к ним, слабой включенности студенчества в социальную жизнь как на нормативном, так и на поведенческом уровнях.

Можно выделить следующие факторы и явления социальной жизни, опосредующие влияние общественных перемен на молодежные страты, в т.ч. и студенчество, и предопределившие перечисленные выше трансформации.

1. Транзитивность молодежного статуса, его временный характер, что обусловлено так называемой упорядоченной, органической маргинальностью, которая связана с процессом социализации, усвоения социального опыта и социальных ролей, обеспечивающих успешную интеграцию в существующую систему социальных отношений, или с выполнением непреложных обязанностей, необходимых для поддержания стабильности существующего государственного устройства (классическими типами маргиналов такого рода являются школьники, студенты, военнослужащие срочной службы). В условиях трансформационных изменений в реестр таких процессов социализации, усвоения социального опыта и ролей оказываются включенными и те проявления, которые характерны не только для органической, но и для «классической» маргинальности, описанной, в частности, в работах Р. Парка и Э. Стоунквиста [Парк 1998: 174-175; Стоунквист 2006: 29-32], при которой, в частности, происходит критериальная смена социальной структуры общества и которую отличает высокий уровень маргинальности, приобретающей относительно самостоятельный и зачастую устойчивый и самодовлеющий характер.

2. Подверженность, в т.ч. и молодежи, всепроникающему воздействию патерналистского синдрома. Основные его проявления (абсолютизация роли государства, конформистский образ мышления и поведения, деление мира на своих и чужих, затрудненное принятие инноваций, социальный эгалитаризм и отрицание социальной дифференциации, стремление к социальному иждивенчеству) [Разинский 2012: 82-84] присутствуют (хотя и в меньшей степени) и в молодежной, в т.ч. и студенческой, среде.

Все перечисленное выше, имея самодовлеющее значение, было обусловлено изменениями в социально-демографической структуре студенчества, которые произошли за эти годы (и в свою очередь оказало воздействие на них) [Стегний, Курбатова 2013; Разинский 2014: 39-40].

Исследование, проведенное лабораторией социологии ПНИПУ в основных

вузах Перми и Пермского края при инициативном участии одного из авторов (всего опрошено 938 чел.), выявило ряд весьма серьезных изменений в социально-демографической структуре исследуемой молодежной группы по сравнению с результатами аналогичного исследования 1984 г. (опрошено 3 352 чел.).

Во-первых, произошли изменения в соотношении студентов по полу (2/3 опрошенных — девушки и только 1/3 — юноши). Особенно выросла (по сравнению с 1984 г.) доля девушек в таких вузах, как медакадемия (в 2 раза) и институт культуры, в то время как процент юношей в техническом университете и сельхозакадемии увеличился (почти в 2 раза в обоих вузах). Возрос процент юношей в фармакадемии, однако среди студентов здесь все же преобладают девушки.

Во-вторых, при сохранении притока студентов из территориальных общностей различного типа темпы роста притока в вузы горожан существенно выше (особенно это характерно для таких вузов, как педагогический университет, институт культуры и сельскохозяйственная академия). Неизбежным следствием такого явления может стать рост конкуренции на городском рынке занятости и, соответственно, возрастание угрозы безработицы. В то же время сокращение притока в вузы сельской молодежи таит в себе угрозу дальнейшего роста кризисных явлений в сельском хозяйстве, т.к. усложнение технологического процесса в различных областях этой отрасли сталкивается с дефицитом специалистов высокой квалификации, причем тенденция к сокращению притока молодежи из деревень и сел скорее всего сохранится.

В-третьих, произошли серьезные изменения в социальном составе студенчества. Практически исчезла группа выходцев из семей крестьян. В ряде вузов сократилась доля выходцев из семей рабочих (особенно в классическом университете, педагогическом университете, фармацевтической академии). Одновременно произошел существенный рост доли выходцев из семей интеллигенции (характерно для классического университета, педуниверситета, медакадемии, фармакадемии). При всех своих позитивных следствиях такого рода социальные трансформации создают серьезные проблемы как для общества в целом, так и для конкретных сфер трудовой деятельности в частности, ибо разрыв генетической связи инженерно-технического персонала с рабочими ведет к возрастанию социальной напряженности в первичных коллективах. Исчезновение же из студенческой среды выходцев из крестьян, во-первых, как уже отмечалось, приведет к оттоку специалистов из такой кризисной отрасли, как сельское хозяйство, а во-вторых, сузит социальное поле воспроизводства культурных процессов на селе.

В-четвертых, при доминировании в студенческой среде рационального отношения к проблеме брака (в большинстве своем они не спешат обзаводиться семьей) дает о себе знать тревожная тенденция существенного роста за время учебы в вузе (более чем в 3 раза) тех, кто свою семейную жизнь считает неустроенной (разведены, матери-одиночки). В сочетании с либерализацией норм сексуальной морали, которая наблюдается в студенческой среде (и настоящее исследование это подтвердило), это создает серьезную проблему как для самих студентов и успешности их учебы, так и для вузовских структур управления.

В-пятых, произошло вымывание из студенческой среды тех, чьей учебе в вузе предшествовала служба в армии (в 1984 г. таких было 12,5%, спустя 18 лет — 0,4%) или та или иная форма трудовой деятельности (их удельный вес за это же время сократился в 3,5 раза — с 18,1% до 5,1%). Исключение составляют студенты Чайковского института физкультуры (8,7% служили в армии, 15,7% работали) и Соликамского пединститута (15,7% — бывшие военнослужащие), что отражает специфику пермских вузов. Основная часть современных студентов — это вчерашние школьники, которые по своим жизненным ценностям и социальному опыту представляют собой социально незрелую группу, легко подвергающуюся внешнему социальному воздействию, как позитивному, так и негативному, и для которой характерен формально-инструментальный подход к выбору специальности, будущей профессии.

Таким образом, сдвиги в социально-демографическом статусе студенчества носят весьма радикальный характер и в существенной степени объясняют и определяют

те фундаментальные перемены в молодежной среде, которые характеризуют современную молодежную субкультуру, отягощенную маргинальными и патерналистскими проявлениями.

Одной из основных особенностей современной социально-экономической ситуации является возрастание роли материального фактора в функционировании общества и жизни человека. Материальный фактор выступает одним из определяющих в формировании социально-стратификационной структуры общества. Как писал Питирим Сорокин, «социальная стратификация — это дифференциация некоей совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [Сорокин 1992: 301]. Эта дифференциация и иерархичность определяет тот или иной тип поведения в материальной сфере — то, что называется стилями потребительского, экономического поведения.

Прежде чем переходить к анализу особенностей потребительского поведения студенчества, приведем некоторые эмпирические данные, позволяющие выяснить, как сама молодежь оценивает свое положение. В ходе социологического опроса, проведенного сотрудниками лаборатории социологии ПНИПУ по репрезентативной выборке, отражающей весь спектр современной социальной структуры, наряду с другими было опрошено 65 чел., представляющих такую хотя и специфическую, но молодежную группу, как студенчество. Представляет интерес сравнение материально-статусных позиций данной группы с респондентами более старшего возраста.

Так, оценивая материальное благополучие своих семей (независимо от того, живут ли они с родителями или имеют собственную семью), опрошенные студенты, не выделяясь существенно из общей тенденции сложного материального положения, тем не менее отличаются тем, что к группе материально благополучных относят себя в 2 раза больше молодых, нежели более взрослых, тогда как среди наименее благополучных респондентов лиц старшего возраста в 3 раза больше, чем среди опрошенной молодежи.

Молодежь более оптимистична и в своих ретроспективных оценках: во-первых, при сохранении общей тенденции падения заработка за последние 5 лет (для студентов речь скорее всего идет о заработке их родителей) в молодежной группе это падение существенно ниже (примерно в 2 раза); во-вторых, студенчество превосходит респондентов старших возрастов в оценке изменений не только в зарплате и доходе, но и в уровне жизни в целом (на 12% и 17,8% соответственно).

Анализ ретроспективных оценок респондентами своего материального благополучия показывает, что опрошенные студенты положительно оценивают не только изменения в величине заработка и доходов (коэффициент значимости у молодежи выше по этому показателю на 12%) и динамику уровня жизни (среди молодых соответствующий коэффициент выше на 18%), но и качество жизни: молодые по сравнению с респондентами старших возрастных групп за последние 5 лет стали лучше питаться (по данному коэффициенту студенты превосходят старших на 10%), лучше отдыхать (на 12%), лучше одеваться (на 21,5%).

Как показывают данные опроса, более высокие оценки уровня и качества жизни студенческой молодежью имеют под собой серьезные материальные основания: молодежь, судя по ее ответам, почти в 2 раза превосходит более старших респондентов по удельному весу тех, кто владеет акциями и ценными бумагами (соответственно 21,5 и 12,8%). Более того, среди молодых в 4 раза больше тех, кто владеет акциями, обеспечивающими им солидные дивиденды.

Предметом нашего анализа является изучение взаимосвязи материального статуса и соответствующего типа потребительского поведения обследуемой общности и ее подверженности патерналистскому синдрому, который отличает не просто совокупность отдельных структурных элементов, а совокупность отношений между ними. Как мы уже указывали выше, подверженность/неподверженность патерналистским интенциям показывает, в какой степени обследуемая группа, в данном

случае молодежь, в т.ч. и студенческая, готова к инновационному освоению социальной среды: чем в большей степени она остается в традициях патернализма, тем в меньшей способна к восприятию инновационных ценностей и соответствующих стандартов поведения, и наоборот.

Данные проведенного нами исследования различных проявлений патерналистского синдрома (опрошено 1 040 чел., в т.ч. 346 молодых людей, из них 46 студентов вузов) указывают на наличие такой взаимосвязи. Так, те респонденты, которые дали положительный ответ на вопрос о владении той или иной собственностью, демонстрируют положительную динамику отторжения патерналистских настроений, причем чем весомее имеющаяся собственность, тем менее они склонны разделять эти настроения, и наоборот, наиболее подвержены патерналистскому синдрому те из опрошенных, кто вообще не располагает какой-либо собственностью (разрыв между первыми и вторыми составляет почти 2 раза).

О том, что это не единичная случайность, а вполне закономерное явление, обусловленное в т.ч. и особенностями социальных установок, одна из которых – отношение к социальной дифференциации, свидетельствует то, что эгалитаристская ориентация, отрицание допустимости социальных различий в большей мере присуща тем, кто склонен разделять ценности патернализма и неприятие инноваций, тогда как те, кто допускает такие различия (причем без ограничений), в меньшей степени испытывают их воздействие (правда, следует отметить, что в целом все-таки преобладает патерналистское видение мира).

Замечено, что только те, кто смог полностью вжиться в рыночный вариант поведенческой адаптации, в существенной степени преодолел патерналистский синдром. И наоборот, те, кто продемонстрировал дезадаптационный уровень рыночного поведения, в большей степени испытывают зависимость от патерналистских тенденций. Это коррелирует с оценкой респондентами своего материального положения по величине заработка: наиболее сильны проявления патерналистской зависимости среди тех, кто относит себя к малообеспеченным: среди них почти 60% подвержены патернализму, и лишь каждый пятый является антипатерналистом.

Для сравнения: хотя среди тех, кто относит себя к группе высокооплачиваемых, антипатерналисты составили около 40% опрошенных, патерналистов оказалось в 6 раз меньше, чем среди низкооплачиваемых (9,5% против 60% соответственно). Характерно, что среднеоплачиваемые по уровню патернализма ближе к низкооплачиваемым, нежели к тем, кто отнес себя к группе высокого заработка (среди первых антипатерналистов чуть более ¼, а патерналистски ориентированных – почти половина).

Оценка респондентами своего (своей семьи) материального положения как базисное основание того или иного типа потребительского поведения демонстрирует тот же вектор движения от патернализма к его отрицанию: чем выше эта оценка, тем меньше зависимость от патерналистских ценностей и, соответственно, выше готовность к инновационному стилю экономического поведения.

Все это в целом свидетельствует в пользу того, что рост материального благосостояния ведет к существенному снижению патерналистских настроений.

Этот вывод подтверждается и тем, какой стиль поведения на товарном рынке выбирают молодые респонденты: ориентирующиеся на товары и услуги по низкой (доступной) цене в большей мере подвержены патерналистским настроениям, нежели те, кто выбирают более дорогостоящие товары. Особенно это характерно для тех, кто берет самую высокую ценовую планку: если среди первых процент настроенных патерналистски составляет 61,8%, а антипатерналистски – 17,6%, то среди вторых патерналистов в 3,5 раза меньше, а антипатерналистов в 2,7 раза больше.

Не случайно, что при выборе прожективного типа потребления в условиях кризиса патерналистские, антиинновационные ориентации в большей мере распространены среди тех, кто выбирает нетоварный, нерыночный стиль поведения (выживание, пассивное ожидание и т.д.). Напротив, антипатерналистские, проинновационные настроения более характерны для тех, кто выбирает новые, активно-

деятельностные стили поведения (миграция, предпринимательство, финансовые операции и т.д.) [Слюсарянский, Разинский 2010: 33-34].

Об этом же свидетельствует характер ответов на вопрос о пользовании теми или иными практиками или технологиями на рынке приобретаемых товаров и услуг, проинтерпретированных нами с применением технологии О. Оберемко [Оберемко 2008: 52]. Как правило, антипатерналистски ориентированные респонденты чаще пользуются такими современными продуктами, услугами и технологиями, как поездки за рубеж, авиапутешествия, валютные и иные операции на финансовом рынке, занятия в фитнес-центрах, приобретение спортивного инвентаря и туристского снаряжения. Другие же (носители патерналистского синдрома) применяют такие, хоть и не столь устаревшие, но получившие широкое распространение технологии, как оплата товаров и услуг при помощи пластиковых карт, пользование банковским кредитом, покупка товаров в кредит, пользование мобильным телефоном.

Это, с одной стороны, подтверждает сделанный выше вывод о связи потребительского поведения обследуемой группы и выбора ею патерналистских или антипатерналистских ориентаций. С другой – подтверждает вывод о том, что патерналистский синдром, мимикрируя, интегрируется в новые для себя потребительские технологии. Это не исключает того, что впоследствии они «захватят» и более продвинутые стили потребительского поведения, вследствие чего процесс включения молодежи, в т.ч. и студенчества, в инновационные процессы не будет простым и однолинейным.

Что же отличает молодежь и студенчество как ее субстрат в ее отношении к различным явлениям, социальным установкам и ценностям и, наконец, ее поведение в региональном социуме, каким является Прикамье? Сразу следует оговориться, что различия между регионом и российским обществом в целом не носят качественный характер и отличаются лишь количественно, отражая общие для всего российского социума тенденции.

Анализ жизненных ценностей и социальных установок показывает, что молодежь прежде всего усваивает те из них, которые уже интернализированы обществом в целом. Именно это объясняет отсутствие качественных различий в ориентациях молодежи и старших возрастных групп. Например, отсутствуют структурные различия в отношении тех и других к социальной дифференциации в обществе (допустимая разница в доходах): хотя в старшей возрастной группе эгалитаристские, по сути – пропатерналистские, антиинновационные взгляды на социальную дифференциацию разделяют в 1,5 раза больше опрошенных этого возраста, чем среди молодежи, тем не менее сторонники этой позиции составляют в молодежной группе почти 40%. Аналогично распределение ответов на вопрос о том, что определяет положение человека в обществе. Также отсутствуют различия в структуре предпочтений между анализируемыми возрастными группами. Молодежь здесь опять «отличилась» размытостью своих ориентаций: с одной стороны, она ориентируется на такие ценности антипатерналистского, проинновационного свойства, как способности, талант, личные деловые качества (предприимчивость, активность, культура, воспитанность), а с другой – выделяют такое статусно-патерналистское свойство, уходящее своими корнями в добуржуазный период, как обладание связями, так называемый блат.

Как уже отмечалось выше, содержание жизненного цикла, определяемого рамками взросления, составляет процесс усвоения, интернализации ценностей и поведенческих стандартов и ролей, процесс социализации. Молодежь как раз завершает этот процесс. Мы отошли от стандартной процедуры изучения социализации, обратив внимание на характер отношений в родительской семье и роль главы семьи, степень автократичности отношений. Одна из гипотез исследования была сформулирована следующим образом: чем более эти отношения подчинены тому или иному из родителей или им обоим, тем в большей степени те, кто воспитывался в такой семье, оказываются патерналистами, и наоборот.

Полученные данные показывают, что, несмотря на некоторые сдвиги в первичной социализации молодежи, молодые респонденты, так же как и старшие, в пре-

обладающем большинстве отмечают доминирование в родительской семье авторитарного стиля, что способствует воспроизводству патерналистских проявлений и тормозит процесс усвоения инновационных ценностей и стандартов поведения.

Хотя молодежь, оценивая роль государства в социальном обеспечении своих граждан, более склонна к восприятию антипатерналистской модели поведения, полагаясь на собственные силы (таких в 1,5 раза больше по сравнению со старшими возрастами), в обеих анализируемых группах преобладает ориентация на доминантную роль государства, т.е. патерналистское его восприятие (более 2/3 в молодежной среде и 3/4 среди старших).

Аналогичная тенденция просматривается и в оценке респондентами молодежной группы потребности в социальной поддержке со стороны государства: при меньшей нуждаемости молодежи в полной социальной поддержке (в ней нуждается лишь каждый 10-й из молодежи и в 2 раза больше из старшей возрастной группы), в частичной молодежь нуждается больше, чем старшие возрасты (38,3% и 31,8% соответственно).

Таким образом, проявляется устойчивая тенденция: наблюдаются сдвиги в направлении антипатернализма, но достаточно сильны пропатерналистские настроения, причем независимо от возраста, хотя в крайних проявлениях в молодежной среде они менее выражены, т.е. инновационный потенциал в молодежной, студенческой среде еще весьма незначителен.

Внутренняя противоречивость молодежи вприятии или неприятии патерналистского видения мира просматривается в ее отношении к рынку и поведению на нем. С одной стороны, молодые респонденты демонстрируют более резкое неприятие антирыночных настроений: среди респондентов до 30 лет их в 2 с лишним раза меньше. Причем в оценке позитивной роли рынка такого разрыва уже нет, хотя молодежь несколько больше привержена рыночным ценностям (менее 1,5 раза). С другой же стороны, в оценке своего поведения в условиях рынка различия в сравниваемых группах практически не просматриваются: в целом также доминирует антирыночный, пропатерналистский, антиинновационный стиль поведения, причем среди молодежи его удельный вес даже несколько выше.

Таким образом, адаптация к рынку независимо от возраста в значительной степени носит декларативный характер и не подтверждается соответствующим этому стилем поведения, причем молодежи это присуще даже в большей степени.

Отражением двойственности студенчества вприятии или неприятии современных жизненных стандартов является определенная неоднозначность как в социальных ориентациях, так и в поведении в отдельных сферах жизни. В частности, это преобладание инструментального и потребительского подхода к основным сферам собственной жизнедеятельности: в труде – слабая ориентация на содержание работы, отсутствие интереса к ней; в досуге – доминирование развлекательной и рекреативной функций в ущерб развивающей и культурно-образовательной; в семейной жизни – неопределенность семейных планов и отсутствие ориентации на многодетную семью; в образовании – ориентация не на его содержание, а на формальные его атрибуты (получение диплома).

Получили широкое распространение различные формы девиантного поведения, отличающего не только группы молодежи, уже имеющие «опыт» общения с правоохранительными органами в связи со своим противоправным поведением, но и «нормальную» молодежь, в т.ч. и студенчество, доказательством чего являются, во-первых, незначительные социальные различия девиантной и нормальной молодежи, во-вторых, распространение толерантных настроений в отношении тех или иных форм отклоняющегося поведения, а также наличие у большинства опрошенных собственного опыта, например, в употреблении не только спиртных напитков, но и наркосодержащих веществ. Не в последнюю очередь это связано с высокой степенью релятивности морально-правового сознания. Так, только 45% опрошенных студентов пермских вузов указали, что можно достичь успеха в жизни, не нарушая законы, нравственные нормы. Если к этим респондентам добавить тех, кто сомневается в возможности неукоснительного выполнения законов, этот процент возрастает до 85,3(!).

Резюмируя вышесказанное, можно выделить основные особенности, характеризующие студенчество как социальную группу.

1. Основные характеристики студенчества Прикамья как одной из субстрат российского общества в своих основных проявлениях повторяют закономерности, характерные как для всего российского социума, так и Пермского региона и его молодежной страты в целом, частью которой она является. Наблюдаемые различия носят в большинстве своем количественный характер.

2. Ценностно-поведенческие характеристики студенчества определяются его принадлежностью к одной из тех групп населения, для которых неопределенность, маргинальность социального статуса является сущностной характеристикой, вследствие чего оно испытывает, с одной стороны, давление норм и традиций прошлого, ретранслятором чего является процесс первичной социализации, а с другой – прежде всего в процессе вторичной социализации, интернализует ценности, установки, стандарты поведения окружающего социального бытия, в той или иной степени находящиеся в оппозиции к прошлому. Именно этим объясняется противоречивость позиций молодежи, в т.ч. студенчества, как в ценностно-ориентационном поле, так и в активно-деятельностном поведении.

3. Приведенные нами данные свидетельствуют, что хотя вектор направленности студенчества как молодежной субстраты отличается продвижением в сторону приятия реалий современного общественного развития, тем не менее в силу указанных выше причин и особенно проникающего воздействия такого доминантного процесса, как синдром патернализма, в студенческой субкультуре весьма сильны проявления атавизмов традиционного общества, хотя и в существенно меньшей степени, чем в других социальных стратах. Именно в силу этого инновационный потенциал студенчества хотя и более высок по сравнению с другими группами, тем не менее не достигает того уровня, который необходим для качественного преобразования общества.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 15-13-59001, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

Список литературы

Оберемко О. 2008. Кого мы называем «Люди–XXI». – *Социальная реальность*. № 3. С. 42–52, 61–65.

Парк Р. 1998. Культурный конфликт и маргинальный человек. – *Социальные и гуманитарные науки. Социология*. № 2. С. 172–175.

Разинский Г.В. 2012. Патернализм: структурные характеристики. – *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. Материалы XI Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения З.И. Файнбурга. Пермь. ПНИПУ. С. 82–85.

Разинский Г.В. 2014. К вопросу о динамике социально-демографической структуры современного студенчества. – *Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании: сборник научных трудов Sworld*. Одесса. Т. 15. С. 37–41.

Слюсарянский М.А., Разинский Г.В. 2010. Стратегии поведения городского населения. – *Социологические исследования*. № 10. С. 30–34.

Сорокин П. 1992. Социальная стратификация и мобильность. – *Человек, цивилизация, общество*. М.: Политиздат. 543 с.

Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. 2013. Change in the Social Composition of Russian Society Transformation. – *Middle-East Journal of Scientific Research*. Vol. 13. Socio-Economic Sciences and Humanities. № 13. P. 195–199.

Стоунквист Э. 2006. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта. – *Личность. Культура. Общество*. Т. 8. Вып. 1. С. 9–36.

RAZINSKIY Gennadiy Veniaminovich, Senior Researcher, Head of the Laboratory of Sociology, Perm National Research Polytechnic University (29, bld. A, Komsomolskij Ave, Perm, Russia; benyoma@mail.ru)

STEGNIY Vasilij Nikolaevich, Dr.Sci.(Soc.), Professor of the Chair of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University (29, bld. A, Komsomolskij Ave, Perm, Russia; socio@pstu.ru)

STUDENTS OF THE PRIKAMYE: STATUS, VALUES, BEHAVIOR

Abstract. *The paper is devoted to the sociological analysis of status, values and behavioral characteristics of the student segment of Russian society in their specific regional manifestations, identifies the dominant factors of social life, the indirect impact of social change on this stratum, which is considered not only as a substrate of youth segment, but also as a potential actor of the innovative development society. Particular attention is paid to the analysis of the impact of paternalistic syndrome as one of the dominant characteristics of Russian society to their integration into innovative processes and technologies. The information base of this article is a research of the students conducted by the laboratory of sociology, PNIU (1998–2014) with an active participation of the authors.*

Keywords: *youth subculture, social innovation, paternalistic syndrome, types of consumer behavior, city generality, marginal processes*

КОШАРНАЯ Галина Борисовна — д.соц.н., профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40, k-galina1@yandex.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье на основе результатов социологического исследования приведены данные о низкой консолидации регионального социума, проанализированы особенности и противоречия институционального и межличностного доверия в регионе. Проведенное исследование позволило выявить противоречие между высоким уровнем доверия федеральным институтам и низким – местным и региональным. Установлено, что высокий уровень межличностного доверия сочетается с низким уровнем институционального доверия; обосновано, что для консолидации российского общества необходимо повышение уровня институционального доверия.*

Ключевые слова: *доверие, институциональное доверие, межличностное доверие, консолидация, разобщенность общества*

Решение актуальных проблем российского общества требует объединения усилий граждан, всех социальных групп и сообществ, которое невозможно без формирования доверия. Институциональное доверие обеспечивает формирование надежных социальных связей и отношений между отдельными социальными институтами и гражданами, способствующих стабильности общества. Восстановление пониженного консолидационного потенциала российского общества возможно только путем укрепления межличностного и институционального доверия, которое является важнейшим ценностным основанием эффективного функционирования общества.

В современном российском обществе проблема консолидации приобретает особое значение в связи с тем, что в результате различных трансформаций в обществе возникло множество социальных неравенств, которые оказывают деструктивное воздействие на стабильность общества. Особая роль в социальном механизме консолидации российского общества отводится институциональному (институты власти, СМИ и т.д.) и межличностному (члены семьи, коллеги, соседи, представители своей национальности) доверию.